

Линь Ханьчжи был словно щенок, которому хозяин сам протянул руку: отказаться он не мог ни капли. Он поспешно вложил ладонь в руку Ци Гу и сам толком не понял, как оказался у него в комнате.

Он и не знал, готов ли Ци Гу теперь его простить.

И почему тот не позволил договорить оставшиеся слова. Но раз Ци Гу запретил, значит, на то была причина.

Линь Ханьчжи послушно опустил голову. Хотя он был на полголовы выше Ци Гу, сейчас выглядел покорным, как щенок в первый день после того, как его забрали домой: стоял смирно и даже глазами боялся слишком много вертеть.

Комната Ци Гу по планировке почти не отличалась от гостевого флигеля Линь Ханьчжи. Разница была главным образом в мелочах обстановки... например, под низким столиком, заваленным всякой всячиной, лежал мягкий пушистый ковёр. В одном маленьком круглом месте ворс приямлся и стал плоским — сразу было видно, что Ци Гу недавно долго сидел именно там.

И действительно, Ци Гу снял обувь, плюхнулся на это круглое углубление и сел, скрестив ноги. Потом посмотрел на всё ещё послушно стоящего Линь Ханьчжи:

— Ты тоже садись.

Они уселись на ковре по разные стороны низкого столика. Губы Линь Ханьчжи шевельнулись:

— Я... могу теперь договорить то, что хотел сказать у ворот?

— Нет. На этот счёт у меня другие планы, — ответил Ци Гу.

Линь Ханьчжи застыл на две секунды. Потом ещё на две. Его обычно быстрый ум оказался намертво обёрнут смыслом этих слов, словно увяз в неньютоновской жидкости.

Это... именно то, о чём он подумал?

Ци Гу хочет сказать, что у него уже есть планы на их общее будущее?

Во рту у Линь Ханьчжи мгновенно пересохло. Он сглотнул и впился взглядом в Ци Гу, глаза ярко сияли:

— Это значит то, что я думаю?

— Угу, — под его взглядом Ци Гу стало жарко. Он поднял стоявший рядом остывший чай и сделал большой глоток, чуть успокаивая внутренний жар.

От смеси восторга и потрясения Линь Ханьчжи едва не начал бегать кругами вокруг Ци Гу.

— Тогда ты... меня простил?

— Изначально я не злился. Но чем дальше ты рассказывал, тем сильнее я начинал злиться... Так что в сумме немного всё-таки злюсь, — взгляд Ци Гу стал ледяным и сам по себе убийственным. — Ещё раз скажешь, что тебя можно бить сколько угодно, я правда побью. Так, что несколько дней встать не сможешь.

Линь Ханьчжи на миг растерялся, а затем быстро уловил скрытый смысл.

Ци Гу его жалеет.

Осознание этого подарило Линь Ханьчжи невиданное прежде чувство, будто им по-настоящему дорожат. Между влюблёнными бывает множество чувств, и жалость к боли другого — одно из них.

Она означает: я знаю, через что ты прошёл, и мне больно оттого, каким был твой путь.

Что может быть глубже такой любви?

— Больше не повторится. В следующий раз, если хоть кожу поцарапаю, сразу тебе скажу, — пообещал Линь Ханьчжи. — Я ужасно боюсь боли и постараюсь вообще не получать травм.

Он словно Винни-Пух, рухнувший прямо в горшок с мёдом. Хотелось сидеть в этом принадлежащем Ци Гу горшке сколько угодно: что бы Ци Гу ни говорил, всё было правильно.

До такой степени послушным Линь Ханьчжи обычно не бывал.

Если бы сейчас его увидел кто-нибудь из знакомых, решил бы, что в него вселился сильный призрак.

С личным разобрались, теперь можно было переходить к работе. Ци Гу сам завёл разговор о храме Хай-гуна.

Линь Ханьчжи рассказал, что решение включить храм Хай-гуна в пятый выпуск уже принято, а потом спросил:

— Раньше я говорил, что отвезу тебя в центральное Управление выбирать новых сотрудников для группы. Уже есть мысли?

— Думаю... вообще-то новых людей можно не искать, — ответил Ци Гу.

По его мнению, нынешний состав и так был прекрасен — пожалуй, уже высшая комплектация Управления. Добавлять кого-то ещё необходимости не было.

— Но съёмка...

— Воздушная съёмка беспилотниками — вполне хороший вариант, — Ци Гу посмотрел на Линь Ханьчжи, и в голосе появилась лёгкая насмешка. — Начальник Линь, вы ещё так молоды, не ограничивайте мышление.

Сегодня, глядя, как Линь Ханьчжи терпеливо извиняется с видом человека, прекрасно осознающего свою вину, Ци Гу вдруг выпустил наружу всю ехидность, которой обычно ленился пользоваться, и без конца его дразнил.

От одного обращения «начальник Линь» Линь Ханьчжи стало жарко в лицо:

— Лучше всё-таки зови меня Ханьчжи.

Увидев, насколько легко тот поддаётся поддразниванию, Ци Гу свернул представление. Лицо снова стало обычным, спокойным, и он продолжил обсуждать дело:

— Тот призрак из съёмочной группы «Зла» придумал несколько злых ритуалов, которые способны помочь разбогатеть или улучшить удачу, именно для того, чтобы подготовить людей к последнему обряду — молитве Хай-гуну. Призрак знает человеческую жадность: без наживки никто не станет легко клевать. Поэтому сначала он расставил несколько обрядов, дающих кратковременную выгоду. А жадный человек, естественно, думает: раз один раз получилось, получится и второй. Значит, обязательно попробует и последний ритуал, который с виду кажется особенно мощным... Тогда цель призрака съёмочной группы будет достигнута.

— Наверное, пожив рядом с другими актёрами, он понял, насколько полезен эффект знаменитостей. Поэтому и придумал через смерть Линь Юсиня расширить охват и распространить содержимое видеокассеты. Хорошо, что мы вовремя это заметили. В ближайшее время интернет-полиции придётся особенно следить за распространением подобных роликов, чтобы снова не возникли неприятности, — продолжил Ци Гу.

Уголки губ Линь Ханьчжи опустились:

— Но есть ещё одна странность. Почему именно Линь Юсинь? В индустрии развлечений полно звёзд, которые могли бы вызвать гораздо больший резонанс...

Ци Гу прервал его:

— Радиус возможностей призрака съёмочной группы ограничен. Судя по всему, кроме собственного места обитания он может появляться только рядом с людьми, которых «обманул или ввёл в заблуждение». Или же он может завершить этот процесс обмана, отправив кому-то видеокассету, и таким образом получить возможность приблизиться к другим знаменитостям. Но трагедия в том, что в шоу-бизнесе топ-звезда и никому не известный артист — почти как бессмертный и скот. Проще говоря, в телефоне безвестного актёра просто не бывает контактов настоящих топов. Вот поэтому призрак и не смог найти кого-нибудь известнее.

Линь Ханьчжи:

— ...

Ответ оказался настолько простым и грубым.

Просто Линь Ханьчжи никогда не работал в шоу-бизнесе и не знал этих негласных правил.

Разобрав мотивы призрака съёмочной группы, они перешли к обсуждению существа по имени Хай-гун.

По сути, Хай-гуна нельзя было считать настоящим божеством. Он относился к существам, похожим на так называемых Пятерых свирепых богов. В некоторых районах страны Хуа под этим названием понимали нечестивых духов-божеств, обременённых тяжёлыми злодеяниями. Их считали злыми богами и чудовищами, а не праведными божествами. Храмы им строили и приносили жертвы главным образом затем, чтобы они вели себя тише и не вредили местным жителям.

Хай-гун был одним из таких злых богов Миньди.

Он пользовался дурной славой. Говорили, что, если разгневать Хай-гуна, тот вызывает морские бедствия и переворачивает суда. Рыбаки Миньди, жившие промыслом, очень его боялись. Именно из страха перед неприятностями во многих местах и строили храмы с подношениями.

Отсюда происходило и правило «не кланяйся каждому храму, который увидишь». Обычный человек откуда знает, какой бог перед ним? Если бездумно поклониться не тому храму и нарваться на злого бога, тот может не только не защитить, но ещё и наслать бедствие, взяв с тебя всё, что пожелает.

Подобные случаи Ци Гу уже приходилось разбирать.

Подробных записей о внешности Хай-гуна не существовало. Одни люди, видевшие его, говорили, что он ничем не отличается от человека. Другие утверждали, что у него синее лицо

и клыки. Третьи заходили ещё дальше и описывали его как некоего морского чудовищного зверя... Поскольку версии слишком сильно расходились, в итоге скульптурный образ Хай-гуна закрепили в виде синекожего рыбоподобного существа.

Но даже самые недавние упоминания о Хай-гуне относились уже к нескольким десятилетиям назад. В последние годы людей, столкнувшихся с ним, стало совсем мало. Конечно, возможно, дело было и в развитии технологий: нынешние рыболовные суда оснащены всё лучше, и случайной буре уже не так просто их перевернуть.

Когда злодеяний Хай-гуна стало меньше, уменьшилось и количество людей, приносивших ему жертвы. Поэтому многие его храмы снесли, а часть забросили; благовонный дым там давно угас.

После стольких происшествий Ци Гу почувствовал, что уже способен заранее угадать дальнейший сюжет:

— Хотя мы ещё не приехали, почему-то кажется, что там тоже будет ждать очередная кость Люли.

Линь Ханьчжи:

— ...А может, сразу две.

— Ещё лучше, — Ци Гу хотел поскорее собрать всё, поскорее решить проблему и поскорее закончить работу.

— Не боишься, что не справишься? — спросил Линь Ханьчжи.

Ци Гу беспомощно посмотрел на него:

— Начальник Линь, у вас какое-то очень непозитивное мышление.

Линь Ханьчжи: ///-///

Ещё один Линь Ханьчжи, который после поддразнивания Ци Гу покраснел лицом и разогрелся сердцем.

Когда цвет его лица более-менее пришёл в норму, Линь Ханьчжи сел ровнее и уже серьёзнее сказал:

— Есть ещё одно дело. Ранее предварительно планировалось объявить о сверхъестественных

явлениях позднее, но, возможно, придётся начать раньше. В последнее время в городах всё чаще встречаются призраков. Большинство — обычные духи после смерти людей, неопасные, максимум устраивают сонный паралич и тому подобное. Но даже это уже вызвало у части населения панику. Сейчас дальнейшее сокрытие, наоборот, может навредить обстановке... За последнее время Управление также привлекло немало неофициальных практиков. Теперь людей достаточно, чтобы закрепить по четыре сотрудника за каждым городом окружного уровня. Если в городе происходит аномальное событие, сначала его разбирают эти четверо. Если не справляются, подключаются сотрудники соседних городов. Если и этого недостаточно, дело докладывают в провинциальное отделение или центральное Управление, а дальше в зависимости от серьёзности происшествия направляют соответствующую группу.

Ци Гу спросил:

— А по каким критериям местные сотрудники будут принимать обращения?

Если не установить чёткий порог, учитывая, насколько некоторые люди склонны во всём подозревать нечисть, четырёх сотрудников на город не хватит, даже если каждый научится создавать клонов, как Сунь Укун.

Всегда найдутся те, кто подаёт ложные заявления или вызывает службы из-за любой мелочи.

Линь Ханьчжи открыл галерею в телефоне и передал аппарат Ци Гу:

— Это руководство по профилактике сверхъестественных происшествий, которое Управление сейчас дорабатывает. Здесь указано: звонить на специальную линию можно только при совпадении нескольких перечисленных признаков. За ложные вызовы предусмотрено строгое наказание. Человек, внимательно прочитавший руководство, в основном сможет самостоятельно справиться с обычными сверхъестественными явлениями. А если действительно столкнётся с сильным призраком, сможет использовать приведённый здесь ручной знак, временно скрыть дыхание, получить шанс позвонить и уйти.

Ци Гу листал фотографии страницу за страницей и внимательно читал. Даже он не мог не восхититься полнотой работы автора:

— Руководство составлено очень подробно. Учтено практически всё, что можно было предусмотреть.

Уголки губ Линь Ханьчжи заметно поползли вверх:

— Значит, всё-таки не зря я последнее время столько перерабатывал. Хотя какой-то результат есть.

— Это руководство написал ты?

— Угу. Ещё несколько стратегических схем и прочее... Хорошо, что почти всё наконец утверждено, — стоило Линь Ханьчжи вспомнить те дни, когда с момента открытия глаз и до самого сна он только работал, как казалось, будто усталость глубоко пустила корни в сердце и обвила всё тело.

Если подумать, с момента, когда он остановил этот бесконечный поток работы, прошло всего два дня.

Едва освободился — сразу поехал с Ци Гу на северо-запад. Отдохнул лишь одну ночь, глядя на звёзды. На следующий день вернулся скоростным поездом в провинцию Z, после обеда по очереди встретился с четырьмя уже мёртвыми братьями и сёстрами из съёмочной группы.

А ночью ещё поднялся на гору Фуай.

Кто услышит такое расписание и после этого скажет, что Линь Ханьчжи слаб здоровьем? Да он просто невероятен.

Только Ци Гу мог смотреть на человека, который после подобного графика всё ещё бодро скачет вокруг, и продолжать считать его хрупким и неспособным позаботиться о себе.

Слушая Линь Ханьчжи, Ци Гу тоже вспомнил об этом:

— Раз ты так загружен, возвращайся и отдыхай. Те три воспоминания можно не искать прямо сейчас. Времени у нас впереди ещё много.

— Уже нашёл все: сухое дерево, каменную плиту и поминальную табличку на балке, — перечислил Линь Ханьчжи.

Пальцы Ци Гу, державшие талисманную бумагу, дрогнули.

— Тогда... подожди ещё немного. Каналу выдачи награды нужно время, чтобы открыться.

Линь Ханьчжи быстро моргнул дважды:

— И сколько ещё? Я правда очень жду.

— ...Скоро. В ближайшие несколько дней, — движения Ци Гу, выводившего на бумаге талисмантные символы, стали настолько быстрыми, что за ними почти невозможно было уследить.

Знал бы он, что Линь Ханьчжи окажется настолько эффективным, попросил бы искать эти

вещи через несколько дней.

— Тогда... то, что ты сейчас делаешь, — подарок мне? И ты даже не собираешься скрывать? — Линь Ханьчжи внезапно наклонил только что выпрямленное тело, положил голову на низкий столик и снизу вверх смотрел, как длинные пальцы Ци Гу вписывают в жёлтый талисман непонятные символы.

Талисманная схема на этот раз была невероятно сложной. Ничего подобного Линь Ханьчжи прежде не видел.

Именно потому, что он не понимал, Ци Гу и позволял себе совершенно беззастенчиво готовить сюрприз прямо у него на глазах:

— Ничего. Ты всё равно не поймёшь.

Линь Ханьчжи:

—

Редкое чувство человека, которого раздавил гений учёбы.

Хотя в глазах окружающих именно Линь Ханьчжи всегда был тем самым «идеальным чужим ребёнком».

Ци Гу вытянул палец и слегка толкнул его в голову:

— Иди уже спать. Не надо караулить меня.

Здоровье слабое, душа неполная, крови не хватает — если он ещё и отдыхать нормально не будет, совсем беда.

— Не хочется двигаться. Я так устал. И ковёр удобный. Полежу ещё немного, — Линь Ханьчжи сам себе всё решил и плавно сполз с низкого столика на пушистый ковёр. Лёг на бок лицом к Ци Гу и, пользуясь тем, что тот занят талисманом, без всякого стеснения его разглядывал.

Через десять минут Ци Гу внезапно отложил талисман и резко встал.

Линь Ханьчжи даже не успел спросить, что случилось, как сверху опустилось тонкое мягкое одеяло с лёгким солнечно-апельсиновым запахом и укутало его с головы до ног.

Он повожился и выбрался из-под одеяла, поднял глаза — и встретился с улыбающимися

миндалевидными глазами Ци Гу.

— Ты уже несколько раз закрывал глаза. Раз устал — спи, не держись из последних сил, — сказал Ци Гу.

На тонком одеяле оставался лёгкий запах самого Ци Гу. Он легко создавал ощущение тёплой безопасности. Сонливость постепенно накатила и окутала Линь Ханьчжи. Перед тем как окончательно уснуть, он несколько раз подвинулся по ковру ближе к Ци Гу и остановился только тогда, когда между его головой и коленом Ци Гу осталось совсем немного и уже можно было чувствовать исходящие от него тепло и запах.

Окутанный чувством безопасности, Линь Ханьчжи очень быстро крепко уснул рядом с Ци Гу.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949186>